

Владимир ИВАНИЦКИЙ

Русская женщина и эпоха «Домостроя»

«Это обрядник всего, что делать и как жить».

И. Сахаров — первый исследователь «Домостроя»¹

Введение

Считается, что первая редакция «Домостроя» составлена в Новгороде Великом в конце XV — начале XVI века. Вторая редакция, значительно переработанная (которую мы намерены проанализировать), собрана и заново отредактирована выходцем из Новгорода попом Сильвестром, влиятельным советником и воспитателем молодого русского царя Ивана Васильевича, именуемого Иваном IV, «Иваном Грозным».

Судьба этого литературного памятника, а главное, отношение к нему, очень прихотливы. Сначала он претендовал на то, чтобы сделаться орудием государственной политики. Затем надолго стал книгой, почитаемой исключительно ревнителями «древнего благочестия», преимущественно старообрядцами. XIX век усилиями радикальной журналистики закрепил за ним роль жупела: квинтэссенции отсталости и крепостничества. В советское время «Домострой» отброшен и забыт. Сегодня он вызывает к себе самый пристальный интерес, что выразилось в неоднократных переизданиях. Реабилитаторы «Домостроя» видят в нем благие, основы степенной, религиозной, нравственной жизни русского народа. «Новые русские» склонны идеализировать патриархальную старину, находят в «Домострое» реалистическое изображение семейного и общественного обихода. Споры нет, реальная жизнь отразилась в тексте и подтексте этого произведения, но совсем иначе: в скрытой, дозированной, а иногда даже вытесненной форме.

Логика нынешних реабилитаторов такова: «Домострой» ценен уже только тем, что вписывается в православные основы и устои российского жизнеустройства. Темные же его стороны можно списать на счет породившего его времени, на грубость тогдашних нравов, которые автор жаждал улучшить и смягчить. Женщину били смертным боем — «Домострой» советует этого отнюдь не делать, а «вежливенько» постегать плеточкой без свидетелей. Воровство процветало — автор рекомендует быть аккуратным и честным. Навет, донос, клевета, площад-

---

¹ Домострой. Составление, вступительная статья, перевод и комментарий В. Колесова. М., 1990, с. 9.

ное зубоскальство были обычными делами — автор «Домостроя» учит быть обходительным, серьезным, слухов не распускать, доносчиков не слушать и им не верить, а пьянства и грубой брани не допускать. Чем, казалось бы, плохо?

Не представляя отчетливо, какой была роль тогдашней литературы и в какой степени жизнь влияла на нее (и наоборот, литература на жизнь), без ясного проследивания всей системы взаимосвязей «Домостроя» и его автора со своим временем и с институтами общества тогдашней Руси мы рискуем ничего не понять в этом памятнике. Давно пора разобраться: что есть «Домострой» и что он не есть.

Мифы вокруг него, противореча друг другу, трогательно сходились в одном пункте. Мистик, визионер и гностик, «русский Блейк» Д. Андреев считал, что «Сильвестр сделал попытку, значение которой не вполне осознано до сих пор. «Домострой» есть попытка создания грандиозного религиозно-нравственного кодекса, который должен был установить и внедрить в жизнь именно идеалы мировой, семейной, общественной нравственности. Задача колоссальная: ее масштабы сопоставимы с тем, что осуществил для своего народа Конфуций...»².

Позитивист, радикал, публицист-народник второй половины XIX века Н. Щелгунов, отметив, что «"Домострой" царил у нас повсюду, во всех понятиях, во всех слоях общества», далее говорит: «Сильвестр, собравший «Домострой», был для нас, русских, тем же Конфуцием, который тоже не сочинил ничего своего, а только собрал плоды народной мудрости и практических правил и подвел им итог»³. Неудача Сильвестра подчеркивается обоими столь несхожими авторами. Андреев замечает, что «Сильвестру, как известно, удалось сложить довольно плотно сложенную, крепкую на вид, совершенно плоскую систему,⁴ поражающую своей безблагодатностью. Ни размаха (...), ни духовной красоты...»⁴. Также и Щелгунов, как видно из цитаты, подчеркивает в своей отрицательной оценке не-оригинальность системы Сильвестра, ее вторичный характер.

Уникальность «Домостроя» в русской культуре прежде всего в том, что после него уже не предпринималось сравнимой попытки нормировать весь круг жизни, особенно семейной, основываясь при этом на сверхчеловеческом императиве-авторитете, а из советских документов с ним можно сопоставить только разве что одиозный «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Женщина до «Домостроя»

Брак и семейная жизнь. Русская жизнь городов, малых посадов и деревень была сильно окрашена аграрно-магическим, языческим мироощущением. Функцию законов на деле выполняли неписанные правила, запреты, обычаи. По ним девушка не всегда была во власти отца и семьи: ей предоставлялась некоторая самостоятельность. Законы раннего времени также предусматривают штрафы и кары в случае, если девицу принуждают силой выйти замуж, а она, не желая брака, причинит себе смерть или увечье. Древнерусские княжеские уставы считают в этом случае виноватыми отца и мать. Упрощенно говоря, женщина в славянском язычестве понимается не как человек второго сорта, но как совершенно иной человек, как самостоятельная сила. Это оставляло свободу, ритуальную по природе. Девичьи праздники, женские обряды были суверенной областью. В ответ мужское сознание испытывало почтение, страх перед неведомой женской силой, очень часто переходящие в маниакальную неприязнь. Встречались случаи «эмансипации» женщин — женщины-богатырки, воительницы, сходные по типу с валькириями германской мифологии. Их образы запечатлены во многих русских былинах северного цикла.

В семье функции между мужским и женским разделялись не столько по ролям, сколько территориально. Женщине принадлежало внутреннее пространство,

² Андреев Д. Роза мира. М., 1991, с. 135.

³ Щелгунов Н. Очерки русской жизни. СПб., 1895, с. 497—498.

⁴ Андреев Д. Указ. соч., с. 135—136.

мужчине — внешнее. Это делало хозяйку дома сильной фигурой. Мужчины часто отсутствовали — служба, война, торговые поездки, работа на барщине вдалеке от семьи. Большуха (жена отца или старшего сына) имела определенную власть над младшим мужским населением дома. Женский авторитет обеспечивался властью над священным очагом и едой, влиянием на детей, мастерством в изготовлении одежды и т. п.

Взаимный страх и непроницаемость полов были значительны. Для того чтобы «обезвредить» невесту, в день свадьбы совершалось специальное банное действо: «смывание красоты», причем под «красотой» понимались не внешняя пригожесть, а сила девичества, магические свойства, набранные невестой в девичьих ритуалах. Степень откровенности, доверия в супружестве была низкой. Мужчины боялись своих жен, ожидая от них лжи, подвохов, измен, отравления. Жены ценились ими мало, но так же мало ценили своих мужей и женщины. Браки редко совершались по любви, взаимного уважения ждать было трудно. Отношения полов понимались часто как вражда двух родов, к каким принадлежали он и она⁵. Развод фактически был возможен; женщины нередко возвращались в дом отца или матери. Позже, когда каждый брак стал церковным и об официальном разводе женщина не могла и мечтать, у нее оставались средства избавиться от мужа: убийство, бегство, измена с социально более высоким партнером (муж-крестьянин был бессилён перед боярином) или донос на мужа⁶. Мужьям низших сословий случалось «пропивать» своих жен; весьма часто муж и жена не жили вместе и годами не видели друг друга. Любовь в русских песнях — всегда любовь на стороне, любовь ворованная. Любовник коннотирован положительно, муж и семейная жизнь — отрицательно. Не существует песен о счастливом замужестве. Иностранцы отмечают побои в русских семьях. «Бьет — значит любит» — русская поговорка⁷. Однако чем глубже в старину, тем больше страха и уважения к женскому началу. В Киевской Руси «родителям случалось заключать письменный договор с зятем, чтобы он не бил жены»⁸, а в крестьянском (не городском) быту, «хотя она и находилась под гнетом тяжелых работ (...), но по крайней мере ее не держали взаперти. У Козаков женщины пользовались сравнительно большею свободой: жены Козаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы»⁹.

Правовые установления и Церковь. Правовое положение женщины на Руси было достаточно тяжелым. «По древнерусскому праву, дочери не получали наследства, и общество было заинтересованно в том, чтобы они были обеспечены браком еще при жизни содержавших их родителей, в противном случае они оказывались без материальной поддержки и их должна была содержать община или они должны были нищенствовать»¹⁰. Положение, напоминающее положение вдов средневековой Индии. Сравнение тем более имеет под собой почву, что по древнеславянским обычаям, зафиксированным путешественником Ибн-Фадланом, на костер вождя, князя добровольно входила одна из его жен¹¹. По Кормчей

⁵ Имеется в виду как вражда полов, так и в вражда семей мужа и жены. См. Левинтон Г. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). В сб. «Этнические стереотипы мужского и женского поведения». СПб., 1991, с. 213—214.

⁶ «Иностранцы рассказывают замечательное событие: жена одного боярина, по злобе к мужу, который ее бил, доносила, что он умеет лечить подагру, которою царь тогда страдал; и хотя боярин уверял и клялся, что он не знал этого вовсе, его истязали и обещали смертную казнь (...) Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое унижение женщины отомщали обычным своим способом: тайно изменой. Как ни строго запирали (речь идет о боярстве.— В. И.) русскую женщину, она склонна была к тому, чтоб положить мужа под лавку, как выражались в тот век. (...) Рабство всегда рождало обман и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчине». (Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа я XVI и XVII столетиях. М., 1992, с. 203.)

⁷ См. Костомаров Н. Указ. соч., с. 200, 202.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Щапов Я. Государство и церковь Древней Руси X—XIII веков. М., 1989, с. 109.

¹¹ См. Ковалевский А. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 годах. Харьков, 1956.

Книге, существовал церковный запрет на умыкание невесты для языческого брака с ней, похожего на обряд похищения у других народов, но этот запрет не всегда соблюдался. Запрет, по мнению историков, был, скорее, связан с интересами Церкви: за свершение брака полагалась плата попу.

Двоеженство наказывалось, но фактически было живуче. Еще долго после отмены его в «низовой мистике» сохранялось верование, что так называемых «рожаниц» — небесных покровительниц и предков каждого человека по женской линии, от которых зависит вся его судьба,— было две¹². Вообще, преобладал «сырой», неопределенный взгляд на брак, вплоть до очень цинического. Необходимым следствием закрепления права на жену считались ревность и демонстрация власти над ней. Побои жены не преследовались, но даже... «вменялись мужу в нравственную обязанность (...). Жену секли, как маленького ребенка (...). Кто не бил жены, о том благочестивые люди говорили, что он дом свой не строит и о своей душе не радеет, и сам погублен будет и в сем веке, и в будущем, и дом свой погубит»¹³. Вспоминается средневековая пословица: «Кто жалеет розгу, тот губит ребенка». Просвечивает грозный архетип отношений Отца и Дочери. Ритуал свадьбы говорит о том же: передавая дочь на руки мужу, отец символически стегал ее плетью, передавал плеть мужу из рук в руки вместе со своими отцовскими правами на дочь, так что муж становился вторым отцом.

Убийство женщины высокого рода влекло за собой «виру» (штраф) в половину того, что следовало выплатить за убийство мужчины того же ранга: 40 гривен за мужчину, 20 — за женщину. Вира взималась по суду, если род убитой подавал жалобу на убийцу. Суд разрешал обиженной стороне либо месть роду обидчика, либо — по выбору — выплату штрафа. Штрафы были столь велики, что большинство русских предпочитали виру мести.

Изнасилование порицалось и наказывалось в случае знатности рода женщины (девушки). О наказании за то же преступление в отношении девушек и женщин из сословия смердов (крепостных рабов) упоминаний отыскать не удалось, однако в соответствии с русским правом господин ее мог расценивать это как материальный ущерб своей собственности и требовал возмещения убытков или права на расправу над обидчиком, если он был собственностью другого господина. Если же обидчик был из его собственного рода, а крепостная принадлежала главе рода, инцидент считался внутренним. Право первой ночи нигде законодательно не зафиксировано, однако по отношению к крепостным оно осуществлялось (в этом видят как пережитки магии, так и свидетельство бесправия низших сословий), но чаще у знатных господ вплоть до XIX века заводились крепостные гаремы.

На развод могла рассчитывать женщина очень высокого звания — и только в том случае, если это было нужно ее мужу. Вдовы, однако, если они обладали властным характером и были княгинями, нередко имели очень высокий статус и фактически правили своим родом.

С ростом влияния монастырей появился новый способ избавиться от ненужной, нелюбимой жены — заточить ее в монастырь. Разрыв с мирской жизнью иногда сопровождал и разрыв брачных уз. Так, Иван IV был женат несколько раз, удаляя предыдущую жену от себя в монастырь под каким-нибудь предлогом (например бесплодия). Смерть жены-монашенки можно было ускорить, что часто и делалось.

Церковь, конечно, внесла лепту в формирование брачного права. Поначалу долгое время брачная церемония была вполне языческой. И после принятия Русью христианства священник был нежелательным участником брачного пира¹⁴. В. Татищев и С. Соловьев, считавшие, что государственные отношения Древней Руси формировались условиями родового быта, когда во главе семьи стоял де-

¹² См. Домострой, с. 286.

¹³ Костомаров Н. Указ. соч., с. 200.

¹⁴ «Языческие обычаи в описании свадьбы несомненно преобладают над христианскими, даже священник в застолье оттеснен на задний план, туда, на край стола, за миски...» Домострой, с. 17.

спотичный отец, полагали влияние Церкви смягчающим фактором¹⁵. Отчасти это было так. Но несомненно и то, что в дальнейшем характер влияния христианства значительно изменился.

После смягчения и нормирования брачно-семейных отношений наступила их «формализация». Изменилось и само русское православие, испытав в XV—XVI веках влияние переводной византийско-болгарской литературы; большинство из переведенных книг развивало аскетически-ригористический взгляд на женщину как на существо нечистое, «сосуд диавольский» и т. д. Восточная патристика с ее тяготением к антифеминизму оказала огромное влияние на православие России XVI—XVII веков. Предписания «Домостроя» мягче, чем ригоризм переводных византийских сочинений, написанных в VI—XIII веках, типа получившего большое распространение сочинения «О злых женах»¹⁶. Но у Сильвестра «идеал Дома во многом сближался с идеалом монастырской жизни»¹⁷. Автор, следовательно, занимает промежуточную позицию, отвергая и «правое реакционерство» учительной православной литературы, и «левый анархизм» грубых непросвещенных нравов.

В свете вышесказанного неудивительно, что в русском православии на редкость мало женщин-святых и почитание их неразвито. «Не более как за 6 русскими женщинами сохранилась до наших дней эта высокая честь; да и те все были княжеского звания. Русская женщина имеет полное право жаловаться на невнимание к ней старинных грамотников»¹⁸, — сообщает в середине XIX века русский историк, говоря об общерусских святых. В XVIII веке была составлена «Книга, глаголемая "О российских святых"», где приводятся жития местно-чтимых святых. Всего их более 300, но из них всего 26 женских, причем включая уже упомянутые шесть общерусских. Зачастую святой считали жену святого мужа. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что «все они почти без исключения княжеского рода. /.../ Иногда даже чествование простирается на целую фамилию: на сестер, дочерей, даже на снох»¹⁹.

Нельзя не указать и на особенности почитания образа Богородицы, популярной на Руси. Особенно чтились местные иконы ее, которых было так же много, как и областей, что указывает на нерасторжимую связь архетипов земли, территории и женского начала. К этому мы еще вернемся. Образ Богородицы слился в русском православии с образом Богини-Матери языческих времен. Чем больше почиталась небесная Богородица, тем больше подозревались женщины земные, что закономерно для ортодоксального мировоззрения, весьма жестко противопоставляющего дух и плоть.

Эпоха «Домостроя» — эпоха перелома

Во всех без исключения сферах жизни русского государства в XVI веке происходили резкие перемены. Складывался новый для страны тип рационализма: система иерархии, игнорирующая традицию и природные права, зиждущаяся исключительно на политической целесообразности, включающая милитаризацию и централизацию всего общества во главе с царем-иерархом, иначе говоря, *режим самодержавия*.

В политике XVI век выдвинул невиданную для России идею «царя» — неог-

¹⁵ «Семья, до сих пор замкнутая /.../ подчиняется надзору чужой власти, христианство отнимает у отцов семейства жреческий характер, который они имели /.../ подле отцов природных являются отцы духовные: что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному». Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959, с. 262.

¹⁶ «Слово о челяди» (из «Златой Чепи», XIV век) рекомендует бить челядь, слуг и жену розгами с нанесением ран — до 30; в «Повести о Горе-Злосчасти» находится даже составленная виршами «Похвала розге». См. Буслаяев Ф. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990, с. 200.

¹⁷ Домострой, с. 10.

¹⁸ Буслаяев Ф. Указ. соч., с. 264.

¹⁹ Там же, с. 268.

раниченного государя-самодержца. Мысль легитимизировать титул принадлежала Митрополиту Московскому Макарию. Происходит становление абсолютизма, для укрепления которого требуется внутригосударственный террор (опричина). Следуют попытки раздвинуть границы русских владений на Юг и Запад; параллельно идет форменная гражданская война с непокорными территориями, хранящими дух вольности (Псковом и Новгородом).

Иван Грозный жестоко расправлялся со старинным боярством, хранившим традиции региональной вольности, старинной самостоятельности, но и самодурства, дикости, непросвещенности. Дикость оружием искоренить не удалось, а вот самостоятельность территорий и ростки свободы Центр подмял под себя. В связи с этим интересно заметить, что в известной концепции А. Ахиезера о российских историко-экономических циклах «... в оппозиции авторитаризму дана не демократия, а локализм... Противопоставление авторитаризма и локализма — один из важнейших моментов теории Ахиезера. На массовом уровне оно проявляется в противоречиях между Центром (центральной властью) и местными властями»²⁰.

Царь делал ставку на «служивых людей», подчиненных Центру, а местно ориентированные традиционные элиты безжалостно уничтожал. Государство превращалось в его сознании в самоцель, в жесткий механизм со сквозной контрольностью функций и подчиненностью, а все земли и княжества объявлялись личной вотчинной собственностью одного рода и одной личности — царя²¹.

Произошло это не сразу. Периоду единоличной диктатуры предшествовал плодотворный, но неопределенный период управления страной кругом единомышленников, куда вместе с будущим помазанным царем Иваном Васильевичем входил знаменитый Адашев и автор «Домостроя» поп Сильвестр; этот круг советников А. Курбский называл «Избранной Радой». Забегая вперед, скажем, что по мере захвата Иваном диктаторских полномочий все члены «Рады» испытали превратности судьбы, а князь Курбский бежал из России, став едва ли не первым «невозвращенцем» и диссидентом. В годы «Рады» планировались великие реформы, подавались челобитные, трактующие геополитические вопросы и проблемы государственного строительства — вроде сочинения Ивана Пересветова, рекомендовавшего русскому царю взять за образец Османскую Империю. Молодой царь был под влиянием своих советников, которые, по свидетельству современников, правили страной²².

В религиозной и церковно-государственной областях происходили важнейшие сдвиги. Во-первых, только в XVI веке по-настоящему умерло язычество, оплотом которого были окраины Московского царства (Иван IV свои набеги прикрывал нуждой «борьбы с еретиками»). Новгород несколько раз сжигался дотла. Православие Руси впервые стало осознавать себя активной, воинствующей, инквизиционной силой. Во-вторых, церковь теснее сливается с государством: Иван Грозный был первым «помазанным» на царство великим князем²³. В-третьих, внутри Церкви шла борьба «стяжателей» (осифлян) с «нестяжателями». Речь шла о том, позволено ли церкви и монастырям иметь крепостных, землю, огромное богатство или это противоречит евангельским заповедям бедности. Сильвестр в целом сочувствовал «нестяжателям». В середине века был собран Стоглавый Собор, явившийся вехой в юридических делах и делах Церкви. По своим решениям он оказался «стяжательским». В числе прочего был введен институт протопопов — надсмотрщиков и начальников, призванных следить за нравственностью, чтением писания, исполнением обязанностей рядовых попов и дьяконов. Ввели духовную цензуру. Установили твердую пошлину за свершение

²⁰ Россия: критика исторического опыта. «Круглый стол» ученых. «Общественные науки и современность», 1992, № 6, с. 75.

²¹ См. П а й п с Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

²² «Да в ту пору был поп Сильвестр и правил Русскую землю, с ним (Адашевым, любимцем царя.—В. И.) за один и сидели вместе в избе у Благовещенья (церкви.— В. И.), где ныне полое место между палат» (Пискаревская Летопись, XVII век).

²³ В 1547 году 17-ти лет от роду.

брака. Происходила унификация церковных уставов по всему государству, а к концу века появился первый русский Патриарх²⁴.

В идейной и культурной сферах наблюдался явный перелом от общей атмосферы провинциализма к вселенскому реформаторству. Множество симптомов подтверждают сказанное. Тут и попытка самого Ивана IV переписать все летописи (и уничтожить неугодные), и введение книгопечатанья, и модернизация армии, особенно артиллерии, по западному образцу. Подобные тенденции не носили «западнического» характера — в них нужно видеть чистый практицизм. Царь лелеял далеко идущие планы по возвышению престижа Руси в Европе и на Востоке, видя в этом сильное средство для укрепления своего авторитета внутри страны, заботился о своем имидже военачальника и победоносного властителя; несмотря на то, что практически все его военные кампании были бесславно проиграны, военную «славу» царя (после взятия Казани) можно проследить по народным историческим песням.

В высших сферах в XVI веке наблюдался резкий рост патриотических настроений. Митрополит Макарий, в свиту которого входил поп Сильвестр, редактируя «Четьи Минеи», впервые вводит в эти житийные книги множество житий русских святых. Выдвигается знаменитая концепция инока Филофея: «Москва—Третий Рим, а четвертому не бывать» — претензия на лидерство Московского царства в делах веры (и не только в них) во всем мире. Русское православие объявляло себя единственно правильной верой и даже христиан Европы считало «нехристями».

Нравы и правовая сфера также находились в стадии кризиса и борьбы. Первые были, судя по всему, грубы и раскрепощены до крайности. Как только строгий взгляд начальника исчезал — тут же начинались безобразия, мздоимство, беззакония, бесстыдное предательство, казнокрадство. Жестокость и несправедливость были нормой. «Отчего не воровать, коли некому унять» — русская пословица тех времен, причем слово «воровство» включало в себя и убийство, и разбой, и бунт, и предательство.

Запуганность и беспредел — две стороны одной медали. Основная причина такого положения в том, что на Руси изначально шла борьба двух законов: Обычай и Указ. Обычай еще не перерос в Закон, Указ же, по сути, не имел шансов стать Законом, так как не был освящен ни временем (традиционный аспект), ни соглашением сторон (легитимный аспект). Более того, Указ норовил то и дело отменить Обычай. Сила боярства была в трудно отмирающих обычаях: в них была их идея Права. Но идея Права центральной власти — иная: она базировалась на силе и авторитете, харизме Царя, новом рациональном и силовом мышлении. В борьбе Указа с Обычаем не рождался Закон: получалась мозаика Правил, разных для каждой области жизни, при этом сами правила представляли собой противоречивый конгломерат законов и обычаев.

«Избранная Рада» в союзе с молодым царем попыталась ввести одинаковые для всех законы, подвести державу под «единый знаменатель», особенно в судебной системе. Выработка нормированного права внешне выглядела как построение «правового государства», на практике же обернулась огосударствлением всего, включая и подданных.

Параллель отношений «Царь—Страна» и «Муж—Жена» ясно видна на материале русской истории. В паре «князь—волость» князь считался мужским элементом, а волость — женским. «Бросил Всеслав жребий о девице, себе любу»²⁵ означало, что князь Всеслав выбирает город и волость на княжение. «О, Русь, жена моя!» — восклицает князь Д. Донской в стихотворении А. Блока. В этой паре происходит борьба и поддерживается некий динамический, циклический тип равновесия. Перевес рационально-волюнтаристического начала (князь) над его «парой» должен сказаться на взаимоотношениях «мужчина—женщина», что под-

²⁴ Им стал в 1589—1590 годах Иов (при Борисе Годунове).

²⁵ Лихачев Д. С. Объяснительный перевод и комментарий к «Слову о Полку Игореве». Цит. по: «Злато слово». М., 1986, с. 397.

тверждается историей. В эпоху централизаторских реформ, когда общество переживает перелом, гармония начал утрачивается и верх берет или регионализм + некоторая «славянская анархия» в вопросе свободы женщины (если централизация захлебнулась), или авторитарный централизм - лишение женщины автономии с вмешательством государства в мельчайшие детали семейных отношений (если централизация была успешной)²⁶. В XVI веке ценой внутреннего террора и полного подавления свободы централизация была временно достигнута.

Поп Сильвестр и его отношения с царем

Автор-редактор «Домостроя» Сильвестр — фигура колоритная, загадочная, противоречивая. Он сделал стремительную карьеру при дворе, став священником Благовещенского собора в Кремле и воспитателем молодого царя Ивана. Был одаренным литератором и владельцем крупнейшей келейной библиотеки. Проявил себя как дипломат, умел лавировать между «партиями» и группировками. Одни исследователи «просвещенным влиянием Сильвестра на царя объясняли счастливые перемены в характере Ивана Грозного, другие полагали, что Сильвестр привил молодому царю религиозный фанатизм»²⁷. Высказывалось мнение, что Сильвестр был личным духовником царя, но оно достаточно спорно. Однако возможно, что у Ивана Грозного был не один духовник²⁸. Сильвестр был педагогом, но своеобразным: имея «видения», он пугал молодого царя Страшным Судом, внушал ему идею, что царь лично будет отвечать перед Богом за всю страну. Своей цели Сильвестр добился, однако результат был по-русски оригинальным: царь усвоил принцип своей неподотчетности людскому суду. Царя может судить только один Бог.

Веру в божественный авторитет царской власти можно отыскать во многих сочинениях той эпохи, но в «Домострое» она выражена Сильвестром по-своему. Царь — господин всех подданных, как хозяин дома — над своими домочадцами. Противовесом всевластию в наставлениях Сильвестра выступают мягкосердечие, вера, страх божий. Но напрасно было бы ожидать их от его царственного воспитанника. В 1564 году самого Сильвестра постигает немилость. По одним данным, царь прогоняет его, не желая слушать его наставлений (Грозный позже сердито охарактеризует Сильвестра «невежа поп»); по другим — это была «добровольная» отставка. След Сильвестра теряется. Курбский уверен, что его отослали в ссылку, а там убили. Царь возражает ему, говоря, что это — не более, чем слухи. Бесспорно одно: сын Сильвестра, Анфим Сильвестров, которого отец устроил на хорошую должность, продолжал пребывать в полном благополучии, служил в Смоленске, и его род попал в Синодик Успенского собора, чего трудно было бы ожидать в случае репрессий.

Отставка Сильвестра была закономерной. Он выступал против кабального холопства: лично «изодрах» кабальные записи своих холопов и «попущах» их на волю²⁹. Иван Пересветов считал, что холопы должны стать постоянным войском. Сильвестр же стремился не к этому. Он укреплял торговое и посадское сословие. Освободившиеся рабы, по его мысли, должны были стать вольными хлебопашцами. Поэтому его считают иногда выразителем морали и обычаев «предбуржуазии» России — посадского, купеческого люда. Тут сказывались его новгородские корни. У Сильвестра было мало общего с «татарским», по генезису, Московским

²⁶ «Однако и здесь, в доме, в «частной» сфере женщина оказалась подчиненной мужскому авторитету, стала объектом власти мужа. Может быть, дело в том, что в этом разделении труда участвовала еще и третья сторона — род, стремившийся полностью контролировать поведение того существа, которое обеспечивало его воспроизводство? Она-то, эта третья сторона, и поддержала мужчину в его претензии на господство, на власть» (Айвазова С. К истории феминизма. «Общественные науки и современность», 1992, № 6, с. 153).

²⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989, с. 323.

²⁸ См. там же.

²⁹ См. Альшиц Д. Начало самодержавия в России. М., 1988, с. 71.

царем. Однако он понимал, что твердая власть для торговли, промышленности нужна. Он тяготел к твердым основам общественного договора. Получается, что в целом ментальность Сильвестра противоречила анархическому беспределу, с одной стороны, и беспределному самодержавию власти — с другой. «Домострой» поэтому остался бумажной декларацией, памятником эпохи «брожения умов, идей и проектов». Ни в коем случае его нельзя считать законодательным документом.

Преодолеть свои противоречивые интенции Сильвестр так и не смог. Он, новгородец, понимал, какой силой разрушения обладает ничем не нормированная Москва, пытался ограничить ее авторитетом Бога, но наделял властную фигуру царя почти божественными полномочиями. Решение его половинчато: он предлагал слабой половине человечества «спасение через смирение». Скорее всего, этот вариант был подсознательной установкой. Москва для него — муж, Новгород — жена. Сильвестр советует своей родине сидеть тихо и надеяться на милость победителя, чтобы не постигло «жену» худшее. Ту же модель (Москва женится на городах и окраинах) можно отыскать в народной сатире и фольклоре той эпохи, так что подсознание Сильвестра вполне репрезентативно³⁰. Подоплека могла быть следующей.

Новгородчина знала образы сильных женщин-богатырок языческого типа. То, что юноша Спиридон (мирское имя Сильвестра) был зафиксирован на образе матери, доказывает тот факт, что его внимание в «Домострое» приковано к проблеме распределения ролей в доме. «Поучение отца к сыну» — послесловие Сильвестра к своему труду, куда он вложил много личного — рассказывает, как сделать, чтобы главное место в доме принадлежало не жене, а мужу. Следовательно, было с чем бороться. Вместе с тем «Домострой» любовно хранит рецептуру, мелочи быта, гастрономические тонкости, т. е. воспоминания о виденном в детстве укладе.

Неустойчивость русского права наследования³¹ часто давала вдове высокий статус. Перед нами нечто двойственное: с одной стороны, классическое поучение к сыну в стиле византийской учительной литературы; с другой — ностальгические, беспомощные попытки вспомнить или сочинить мягкую «гармонию полов», основанную на мирном предусмотрительном послушании слабого пола и благодарной за это твердой сдержанности другого. В Сильвестре борется «мужское я» — государственника и политика жестокого времени — с чем-то материнским в его душе. Интересное подтверждение мне видится в том факте, что Сильвестр был, кроме «Домостроя», автором жития княгини Ольги, «первой христианки» Руси. Это единственное житие, вышедшее из-под его пера³². Обращение Ольги, видимо, символично для Сильвестра: это потеря женщиной языческого буйства и «опасности», «неукротенности». Это образец «правильного поведения».

«Домострой» как литературный памятник

Имея множество источников³³ и редакций, «Домострой» Сильвестра кончается «послесловием» — «Словом отца к сыну» — и распадается на три части, первая из которых трактует о «духовном строении», вторая — о «мирском строении», третья — о «домовном строении». Намерение автора видно в плане сочинения: мир как тройственная иерархия подобий. Небо с его Господином (Богом), Государство (с

³⁰См. «Когда Москва женилась...» Сатира XI—XVII вв. М., 1987, с. 334.

³¹См. П р е с н я к о в А. Княжое право Древней Руси. М., 1993.

³²Образ жестокой и властной женщины Ольги (после крещения носила имя Елена) был Сильвестром сильно смягчен и романтизирован для Степенной Книги.

³³«Домострой» Ксенофонта (445—355 до н. э.), «Пчела», «Златая Чепь», «Измарагд», трактаты по домостроительству Егидия Колонны, Франческо да Барберики, Годифруа де Логур-Ландри, Леона Альберти, Бальтасарро Кастельоне, Рейнольда Лорихиуса и др. (в переводах на чешский и польский Фомы Щитного, Миколая Рея, Смиля Фляшки), а также новгородские «домострой».

Царем во главе) и Дом (с Хозяином его) «входят» друг в друга, копируя друг друга как при восхождении и нисхождении, так и во внутренней структуре.

Приложением идет «Чин свадебный» (его нет в редакциях Сильвестра, но он дошел до наших дней в других списках).

Стилистику памятника можно назвать «нормативно-перечислительной». Тип установления — упорядоченная ритуалом последовательность действий, предметов; норма (но не закон), работающая по модели: «перечисленное—существует». Не произнесенного как бы и нет. Эти умолчания красноречивее всего: нет абортов, разводов, супружеских измен, отхожих мест, проблемы экологической утилизации отходов, нет и смерти. О дурном не упоминают; если и говорят, то скупо, вскользь, как о примере, вызывающем к искоренению.

«Домострой» дает застывший, статичный образ действительности, что подтверждается лингвистическими наблюдениями: в нем преобладают существительные, глаголы резко меняют путь мысли, играя роль скреп или «переключателей», членящих текст.

Конкретная действительность у Сильвестра описана с большим разнообразием, дифференцированно³⁴. Однако мир абстрактного мышления, мир государственно-богословских построений нерасчленимо целостен, тоталитарен (в понимании Н. Бердяева). Тут — основной нерв противоречия и внутренней неконгруэнтности авторского замысла и результата его литературного труда.

Подчеркнуто важно в «Домострое» выступает чин. В средневековом мышлении не находилось места случайности. Все стратифицировано. В обиходе тогдашней Руси у всякого места и у всякого человека наличествовала маркировка. К примеру, в избе наиболее почетным местом была лавка под образами (иконами) в «красном углу» и т. д. Однако традиционная система чинов и степеней, на которую опиралось родовое боярство, начинала мешать реформам Ивана IV. Целью власти было «переградуировать» модуль государственности, установить единоначалие и сквозную иерархию, и этой цели «Домострой» пытается по-своему соответствовать, но вязнет в ритуале, чине и норме. Правы те, кто считает, что «при взгляде на литературу XVI века можно отметить развитие в ней рационалистических тенденций (...) Отношение к природе изменилось. Она поддалась познанию и, как результат, оказалась в услужении человеку...»³⁵. Если учесть, что мужчине традиция православия приписывала коннотацию разума, Логоса, а женщину характеризовала как существо природное, понятное, отчего идеалом для «Домостроя» оказывается тип «осваивающего» хозяйства, перемалывающего и перекраивающего природную данность. В нее «Домострой» включает и женщину, и ребенка.

Сильвестр искусно играет словом и лингвистическими средствами пытается закрепить свою схему. «Домострой» можно характеризовать как терминологическую реакцию тогдашней «интеллигенции» на тогдашние планы властей. Намеренно или несознательно Сильвестр совместил два значения слова «государь» (первое — царь, князь и второе — домохозяин, глава семьи) в одно³⁶. Например, неясно, какое значение придать слову «государь» во фразе: «А служили бы государем своим верою и правдою, и добрыми делы и труды, а государь и государыни людей своих жаловали бы, и кормили, и поили, и одевали...»³⁷. То же происходит со словом «наказание», которое он последовательно употребляет в значении «наставление» и в значении «расправа, порицание, кара». С одной стороны, «а плетью с наказанием бити, и разумно,

³⁴ «Нет посуды вообще — есть мельчайшие оттенки... каждая конкретная посуда; нет и речи о приготовлении «пищи» — во многих оттенках проявляются формы и способы приготовления пищи: тут и «стряпать», и «приспехи делати» и пр.» (Домострой, с. 13).

³⁵ Ужанков А. История русской художественной прозы. В кн. «Русская бытовая повесть XV—XVII вв.». М., 1991, с. 15, 11.

³⁶ См. П а й п с. Р. Указ. соч., с. 108, 109.

³⁷ Домострой, с. 109.

и больно, и страшно, и здорово»³⁸, а с другой — «...а не кается и не плачется о грехе своем и вине, то уж наказание жестоко надобет, чтобы был виноватый в вине, а правой в правде...»³⁹.

Картина мира и основные ментальные модели «Домостроя»

Пространственные модели памятника тяготеют к традиционным. По горизонтали пространство делимо на внешнее (мужское) и внутреннее (женское). На первый взгляд кажется, что автор помещает женщину в центр, но это лишь первое впечатление. Цель автора — дать рецепт контроля за этим «центром», что осуществляется: 1) через контроль доходов и денежных сумм; 2) через подчинение себе, а не жене ключника — домоправителя; 3) через лишение женщины права принимать самостоятельные решения⁴⁰; 4) через присвоение мужской половине дома права вmeshиваться в области, традиционно принадлежавшие женской половине (воспитание детей, контроль за продуктами питания, женскими рукоделиями и т. п.).

Другой идеей Сильвестра был замысел усилить начало моногамии, снизить «кочевой потенциал» российского мужчины, сделать его более оседлым и привязать к дому. Он полагал, однако, что начала взаимного соглашения в семье достигаются не разделением прав, но слиянием дома в единый организм под властью «господина».

По вертикали, как уже отмечалось, «Домострой» дает классическую средневековую трехчленную пирамидальную структуру с принципом «восходящей отчетности»: чем ниже на иерархической лестнице стоит существо, тем меньше его ответственность, но также и свобода. Чем выше — тем больше власть, но и ответственность перед Богом. В модели Домостроя царь отвечает за всю страну разом, а хозяин дома, глава семьи — за всех домочадцев и их грехи; почему и появляется нужда в тотальном вертикальном контроле за их действиями. Вышестоящий при этом имеет право карать нижестоящего за нарушение порядка или нелояльность к его власти.

Время в «Домострое» образует архаический круговой цикл аграрной цивилизации. Круг намеренно, демонстративно замкнут. «Стояла вечность на дворе» — можно сказать, очутившись внутри космоса «Домостроя». Перед нами, скорее, не Утопия, но Пантопия: вечность и неотменимость универсальных норм, обязательных всегда и везде к применению. У природы, как и у женственности, отнимается собственный «источник движения»: двигателем всего оказывается универсальный мужской принцип — Логос. Христианская идея линейности времени «Домостроем» еще не осознана⁴¹. Круг времени движется посезонно, год за годом, но еще и квантовыми переходами (дед—отец—сын—внук), выказывая себя в смене поколений, должных быть копиями или подобиями друг друга.

Идея экономии всего (напомним, что «домострой» — русская калька с греческого «эйкономия») применена и ко времени, но в своеобразном варианте: суть в том, чтобы максимально загрузить домочадцев и жену работами, не оставить ни секунды свободного времени. Праздность и предоставленность самому себе понимаются как зло, а несамостоятельность — как добро. Но однозначно оценивать такую «экономию» нельзя: впоследствии «Домострой» явился базисом для российского купечества и предпринимательства, так как многие именитые купцы и промышленники конца XIX — начала XX века были выходцами из старообрядческих семей, носителями иного этоса, чем жители безалаберно-созер-

³⁸ Там же, с. 69.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «По все дни жене с мужем о всем спрашивать и советовать во всем: и как в люди ходити, и к себе призывати, и с гостями что беседовати» (Домострой, с. 28).

⁴¹ В связи с этим см: Г у р е в и ч А. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е. М., 1984; его же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; Ужанков А. Будущее в представлениях писателей Древней Руси XI—XIII вв. «Русская речь», 1988, № 6.

цательной Москвы, набитой «гулящим людом», перебивающимся подачками от Государевой службы, от боярских щедрот.

Но самое интересное в концепции времени в «Домострое» — его «поедание». Круг времени задан исключительно рецептурой блюд и пищевыми рекомендациями: что, когда и из чего готовить. В акте поедания время осваивается и присваивается. Чрезмерность — сотни рецептов! — это еще и образ воздаяния, зримая плата за годовой труд: символический итог времени и «экономии».

Медиаторные процессы «Домострой» пресекает; причем особо обращает внимание на разрывание контактов женщин с женщинами. «Бабки-потворницы», слуги, подруги-сплетницы — со всеми ними жена не должна видеться. Поражает масса бытовых примеров, сенок из жизни: фольклорная черта в учительном памятнике. Первоосновой власти автор видит контроль, он, вероятно, и является «профессией», трудом домохозяина и государя.

К XVI веку совершенно смолкает женское слово в литературе. Принимая во внимание мнение академика Д. Лихачева — «никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке», — это можно счесть важным симптомом. Но кроме Слова есть еще Дело. По мнению И. Забелина, последнее слово всегда остается за государем (мужиной), но делом в доме занимается государыня («делодержец дому») ⁴²; дело видится молчаливым, но действенным сопротивлением монополии на слово.

Поскольку фундаментализация общества связана с жестким табуированием медиации и медиатора, следует обратить внимание, что православие исторически не выработало ни концепции независимости Церкви от государства, ни удовлетворительной теории денег (деньги остались злом), ни учения о сакрально-нейтральной зоне, например Чистилище. И до сих пор в России, при ее поляризованной ментальности, нет традиции компромисса и терпимости, что в немалой мере влияет на положение женщины и практику женского протеста. По «Домострою» же, как и следует ожидать, терпимость и компромисс, вплоть до слепого подчинения, должна проявлять только одна сторона.

Доминирование, следовательно, есть основная модель отношений, по-разному варьируемая автором.

Тип социализации женского-природного. Взаимоотношения между «гендером» и «сексом» в русской истории

Разбираемая нами эпоха и анализируемый памятник отличаются следующими особенностями: во-первых, фиксацией и обездвиживанием природы и женского начала в модели мышления, которую стремятся перенести на общество; во-вторых, наложением до полного совпадения понятий «собственность» и «власть» ⁴³; в-третьих, новым типом рационализации и централизации с описанными ранее предпочтениями; в-четвертых, стремлением письменно, в слове зафиксировать тот или иной тип доминирования, иерархических отношений и через фиксацию объявить его вечным; в-пятых, разрушением местных укладов и архаических традиций; в-шестых, табуированием медиации (кроме властной вертикали) и отсутствием общественного (и семейного) договора; в-седьмых, подчеркнутым разделением мужского и женского начал по правам, обязанностям, ценности.

В любом обществе происходит та или иная социализация мужчины и женщины. В патриархальном — мужское сообщество ощущает себя монополистом в проведении социализации. «Домострой» устраняет все пережитки прежней (более языческой, чем христианской) независимой женской социализации, не гарантировавшей женщине (и ребенку) никакой правовой защищенности и безопасности, если она не принадлежит к верхушке княжеского сословия. Взамен, в обмен на зависимость и определенную несвободу, предлагается неформальное соглашение,

⁴²Цит. по: Домострой, с. 14.

⁴³См. П а й п с Р. Указ. соч.

суть которого — достижение автономии моногамной семьи с патриархальным доминированием, при этом семья понимается как ячейка государства, изоморфная ему. Тут женщина теряет многие (если не все) права, зато защищена авторитетом мужа, который понимается субъектом и объектом права и может как отвечать за жену перед законом, так и осуществлять закон внутри своего дома.

«Домострой» в сильнейшей степени повлиял на идеологию верхов, а затем и низов во всем, что касалось семейных отношений. Но законом не стал, во всей полноте никогда не был осуществлен.

Следует принять во внимание, что физический пол («sex») и гендер (как система социо-полоролевых отношений) в славянском обществе никогда не совпадали, и несовпадение было временами особенно заметным. Так складывалась этнографическая реальность в России; женщинам на протяжении веков приходилось нести на своих плечах как мужские работы, так и мужские роли, мужскую ответственность. И в низах, и в верхах России роль женщины была велика. Между тем многие свидетели отмечали женообразие русских мужских лиц, специфический тип эмоциональности и капризности русских бояр, пассивность и мягкость русской души, странно и взрывообразно переходящей в противоположное состояние...

Собственно половое поведение имело довольно широкие и не всегда оформленные рамки. Случалось, мужественность тела влекла за собой женственность души и наоборот. Был, однако, период, когда рамки гендера и секса стали сближаться почти до полного совмещения контуров — по крайней мере в городах и слободах, в среднем сословии. Это — XV—XVII века, частично первая половина XVIII века. Тогда рождается, оформляется и частично осуществляется концепция тотального совпадения таких понятий, как государь (домохозяин) и Государь (царь-самодержец), «приказание» и «наказание», власть и собственность, доминирование и порядок, чин. Зато были разведены на недосягаемую ранее дистанцию понятия мужского и женского. Общее усиление вертикали позволяет считать эту дистанцию также вертикальной. Мужское и женское начала утратили некую общую часть (травестийный элемент). «Домострой» настаивал на совпадении секса и гендера. Разделение функций стало абсолютным, разделение прав сделалось пустым понятием вследствие того, что у одной из сторон не стало никаких прав.

В XVIII веке произошел прорыв этого искусственного тотального «единства». Разрушение многих стереотипов, характерных для русской дворцовой жизни (например, возведение женщин на трон, устройство западных балов с травестийными элементами, куртуазней), однако, почти не коснулось низового русского быта империи и носило локально-столичный характер.

Второй взрыв произошел в конце XIX — начале XX века и повлиял — как бы ни оценивать эти изменения — на все общество. Однако и в советское время изменения не были последовательными, скорее, волнообразными, циклическими колебаниями. 30—50-е годы показали, насколько живуча традиция российской государственности контролировать семью. Но все дальнейшее — уже предмет для других, специальных исследований.

«Домострой» обнаруживает многие типологические признаки русской аграрной утопии. Основное его противоречие — несовместимость «осваивающего» хозяйства с автаркическими тенденциями, например с желанием навязать феодальный тип «натурального хозяйства» каждому, в том числе и городскому, дому. Кроме того, в сознании автора-редактора шла борьба между мужским, государственным сознанием и инстинктивным стремлением новгородца, приверженного древнему укладу, сохранить устои мифической «гармонии» Золотого века. «Домострой» — утопия, обращенная, скорее, назад, чем вперед, но основанная на трудноискоренимых базовых моделях русского мышления, что объясняет его живучесть.